

В январе 2018 года исполняется 100 лет районной газете «Борисоглебский вестник». Это издание уникальное не только в силу своей богатой многолетней истории, но и тем, что из ее журналистских рядов нередко выходили неординарные литераторы. Сегодня бывший ответственный секретарь районки Михаил Рябушкин рассказывает о своем коллеге, писателе Михаиле Сорокине.

В тот год весной особенно буйно цвела сирень. Казалось, она растет всюду — в садах и палисадниках, на городских улицах и в скверах. Ее аромат пьянил и кружил нам головы, наполнял души весенней романтикой. Мир вокруг блистал, а жизнь куда-то звала.

Мы — тезки, два Михаила. Он постарше меня на тринадцать лет, но оба мы еще молоды, сильны, и наши души были способны откликнуться на волшебный зов весны...

Михаил Сорокин возбужден, взволнован. Шепчет мне на ухо, чтоб не слышали коллеги:

— Посмотри в окно — сирень цветет! Пойдем погуляем.

Тихонько покидаем свои надоевшие письменные столы, душный, прокуренный кабинет. Выходим на улицу, жадно дышим свежестью начавшегося дня. Ноги несут нас за город, где простор, где еще видны следы половодья, но уже оделся в зелень дальний лес за рекой. По дороге в палисаднике он ломает веточку сирени, всю дорогу держит ее около своего лица и восторгается:

— Какое чудо!

Вот и луг, и река — наше любимое место. Здесь мы встретили уже не одну весну, с тех пор как познакомились в редакции местной газеты «Борисоглебская правда». Я пришел в газету после десятилетки, Михаил — после службы в армии и непродолжительной работы библиотекарем в авиационном училище. Я только пробовал перо, а он уже писал рассказы и печатался. Первую его маленькую и тоненькую книжечку под названием «Катины будни» с короткими рассказами я держал в руках безо всякого восторга. Не книжка, а блокнотик. Но когда любопытства ради прочитал несколько рассказов — убедился: все-таки это книжка. Интересно, красиво, совсем не по-газетному написано. Так с этой книжкой у меня появился второй тезка — тоже Михаил и тоже Сорокин, но не начинающий журналист, а начинающий писатель.

С того самого моего открытия мы в частых беседах стали говорить уже не о жизни вообще и о погоде-природе, и даже не о газетных делах, а о литерату-

ре. К тому времени уже редуцированный и начитанный, студент Московского литературного института имени А. М. Горького, Михаил Сорокин увлекал меня рассказами о прочитанных в библиотеке книгах, о знакомствах с местными литераторами.

В этот сиреневый день он позвал меня на окраину тоже не случайно. Уселись на старую перевернутую лодку, валявшуюся на берегу старого русла Вороны. Помолчали, любуясь на убывающее полноводье. Но вот он достает из внутреннего кармана пиджака тоненькую книжечку в бордовой обложке. Протягивает мне:

— Это тебе, на память. Подписана, можешь прочитать.

— А что это? — удивляюсь я.

— Ты открой, посмотри, прочти. Грамотный ведь...

Он подарил мне коллективный сборник очерков «След в душе», выпущенный Центрально-Черноземным книжным издательством в 1966 году. На титульном листе надпись: «Тезке, другу, журналисту от сочинителя одного из очерков этого сборника».

Я был удивлен, а он довольно улыбался. Он ничего мне не говорил о своем материале, который помещен в сборнике. Очерк, озаглавленный «К людям», рассказывал о жизни коллектива Борисоглебского завода «Химмаш». Хотя это не художественное произведение, а публицистика, но Михаил был доволен. Это было видно по его лицу.

— А посOLIDнее у тебя ничего не предвидится? — спросил я. Он загадочно прищурился и покачал головой.

— Об этом помолчим. Когда курочка снесется, тогда и яичко будет, — ответил он.

Михаил не был скрытным человеком. Пожалуй, наоборот, он был из тех, кто быстро сходился с новым человеком, без труда поддерживал любой разговор, мог, кстати, и интересно рассказать какую-нибудь историю или случай, словом — душа нараспашку. Его любили слушать все, кто его знал, но он не был навязчивым и болтливим.

Тайной за семью печатями была у него лишь тема о своей творческой кухне. Никто, в том числе и я, не знали, над чем в данный момент он работает, что пишет, что уже написал. И это делало ему честь, потому что свидетельствовало о его серьезном отношении к творчеству.

О писателях, прошедших трудную школу журналистики, говорят, что их знание жизни наиболее полно и объективно. С этим трудно поспорить. Помню Сорокина — корреспондента газеты, вернувшегося из первой командировки в район. С кусками грязи на ботинках, красный, обветренный, но улыбающийся, ввалился он в наш кабинет, где стоял и его стол. Бросил блокнот на стол и плюхнулся на стул... Сразу было видно — устал. Но говорить начал не об усталости и трудной дороге, а сказал довольно:

— Ух, здорово! Сегодня я как в детстве побывал, в своей молодости. По грязи полазил, навоз понюхал...

Мы захихикали, но он не обратил на это внимания, с подъемом продолжил рассказывать:

— Тридцать лет корову вблизи не видел. Забыл, как молоко добывают. Теперь вспомнил. И в поле с агрономом ездили. Вот где романтика, вот красота нашей земли!

Он попал на самый трудный участок работы в газете — в отдел сельского хозяйства. Появился весной, и пришлось ему в распутицу мотаться по деревням, когда на лошади, а когда и пешком. Грязи немало помесил на фермах и в поле, но это его не испугало. Не случайно в разговорах с новыми людьми он, не стесняясь, а, напротив, с гордостью, говорил:

— Я деревенский. Из Алабухов. Слышали про такое село в России?

В армии он шофером служил. Пять лет ездил на военных машинах.

— С грузом на спине, знаете, какие походы приходилось совершать! — рассказывал он и добавлял с улыбкой. — А с одним блокнотом в руках можно всю землю обойти...

Он ничего не преувеличивал. Случилось мне один раз съездить с ним в колхоз на автобусе. Пока лазили по фермам и ездили на полевой стан, день подошел к концу. Обратный автобус прозевали.

— Как же добираться домой будете? — забеспокоился председатель колхоза. — Могу лошадку дать, потом пригоните...

Сорокин засмеялся:

— Тогда уж две давайте, нас ведь двое...

А став серьезным, сказал:

— Мы пешком! Мы ведь солдаты...

Я растерялся, но он похлопал меня по плечу по праву старшего и успокоил:

— Дойдем, не робей. Подумаешь, двадцать километров — ночь длинная...

Так и пришли мы в Борисоглебск пешком. Под утро...

Михаилу Петровичу пришлось работать и в других отделах редакции — в промышленно-транспортном, партийной и комсомольской жизни. Трудился он легко, увлеченно и плодотворно. Привозил и приносил из командировок полные блокноты злободневных материалов и массу впечатлений.

Но нередко мы видели его и утомленным, осунувшимся. Я знал, почему это происходит. Опять скажу: Сорокиных было как бы двое — журналист и литератор. Он признался мне однажды:

— Я разрываюсь между двумя столами. Один — дома, другой — на работе.

Поясню. Михаил Петрович завел для себя такой распорядок дня: подъем в четыре часа утра. До семи часов занимается литературным творчеством, а потом — на работу в редакцию, где его тоже ждет письменный стол. Но ведь журналистика и литература — разные вещи. Далеко не просто переключаться с одного на другое.

Тем не менее, Михаил Петрович упорно трудился. В 1970 году вышла из печати его повесть «Свидетели». Это уже большое литературное произведение, другой жанр. Писатель двигался вперед. До повести в коллективном сборнике «Литературные новинки» был напечатан его рассказ «Все семь

цветов». Местная и областные газеты тоже печатали некоторые его произведения.

Известно, что хрущевская перестройка шестидесятых-семидесятых годов повлияла на судьбы многих людей, в том числе и журналистов. Михаил Петрович мечтал о свободе литературного творчества, а ему пришлось возглавить редакцию газеты «Борисоглебская правда». Он не очень рад был этой должности и жаловался на:

— Теперь у меня совсем руки связаны... Когда же мне теперь писать?

Тем не менее, за дело взялся серьезно. Политическая и экономическая обстановка в стране требовала от партии и ее печатных органов умелой идеологической работы. Газета под руководством М.П. Сорокина шла в ногу с текущим моментом, широко освещала позитивные и негативные явления общественной и экономической жизни.

Однако в редакторском кресле Михаилу Петровичу пришлось посидеть только чуть больше года. После создания экономических районов по решению ЦК КПСС «Борисоглебская правда» была упразднена, а вместо нее создана объединенная газета «Строитель коммунизма». Штат ее был укомплектован из числа журналистов пяти закрытых районных газет востока Воронежской области. Сотрудники «Борисоглебской правды», в том числе и редактор, остались без работы. Лишь позже, после ликвидации экономических районов, некоторым удалось устроиться в объединенной газете, ставшей преемницей «Борисоглебской правды». Я был взят собкором, а Михаил Петрович — заведующим промышленно-транспортным отделом.

Такому зигзагу судьбы Сорокин был даже рад. Он вновь мог уделять больше времени литературе. Три года по утрам в его квартире в Северном микрорайоне стучала пишущая машинка. Затихала она лишь тогда, когда писатель был на работе в редакции газеты. Мы по-прежнему жили мечтами и романтикой. В свободное время позволяли себе расслабиться, породить по окрестностям, по-

мечтать. Однажды я предложил Сорокину:

— Давай в выходной на Хопер махнем. На лодке спустимся вниз по течению, места посмотрим. А может быть, и порыбачим.

Я в то время увлекался рыбалкой, имел лодку с мотором и рыбацкие снасти. Михаил Петрович, по его собственному признанию, в своей жизни ни разу не поймал ни одной рыбки. Но, на мое удивление, предложение принял, пошутил:

— Давай, вовлекай меня, делай из писателя рыболова!

Мы хорошо провели время, помню этот день до мелочей. Проплыли довольно далеко по Хопру, делали несколько остановок на его лесистых берегах, два раза купались. Но, главное, мы вдоволь наговорились. Обо всем, что нас волновало и увлекало. И о литературе, конечно. Кстати, рыболовные снасти, которые я прихватил с собой, мы так ни разу и не взяли в руки...

А время бежало, а годы мелькали... В 1973-м, весной, в один из дней по дороге на работу меня кто-то окликнул. Оборачиваюсь — Михаил Петрович. Возбужденный, радостный!

— Спешешь свои строчки строчить? — спросил он, пожимая руку.

Я исполнял обязанности ответственного секретаря редакции и был «привязан» к каждому текущему номеру. Он это понимал. Слегка обнял меня и протянул державший в руках сверток.

Я развернул сверток и ахнул: новая книжка — роман «Свидание в этом году». Автор — Михаил Сорокин.

— Когда ты это написал?! — спрашиваю.

Он радостно разводит руками, шутит:

— А вот только что, сейчас написал... Потом вдруг спохватился:

— Дай сюда! Подписать ведь полагаются.

Он достал ручку и на весу, размахивая, нацарапал своим «куриным» почерком: «Прими эту книжку от товарища твоего и автора. От сердца желаю тебе

счастья, а нашей дружбе постоянного продолжения».

Веселому, добродушному и интеллигентному Михаилу Петровичу прощались мелкие его «шалости». Он мог прийти на работу к полудню, мог исчезнуть в разгар рабочего дня. У него были встречи с гостями — литераторами из Воронежа, с героями его очерков, с руководителями городских предприятий. Он не был затворником, жил полной жизнью, много общался с людьми. Это очень важно для писателя. Именно поэтому его повесть, романы и рассказы передают живую, настоящую, невыдуманную жизнь простых рабочих людей.

Жизнь самого писателя, оказавшаяся, к сожалению, такой короткой, была насыщена яркими, значительными событиями. Они как ее вехи.

1978 год. Выходит из печати второй роман Сорокина под названием «После разлуки». Тема его все та же: гражданский долг, рабочая честь, преемственность поколений. В центре романа судьба братьев Моревых, в мирном труде, на полях войны достойно продолжающих дело своего отца.

Книга объемная, написанная на высоком художественном уровне.

Это была его победа. Безусловная и значительная. Он радовался ей, она его вдохновляла.

— У меня есть еще одна серьезная задумка, — сказал мне писатель один раз, совершенно неожиданно. — Я напишу еще одну книгу. Это будет большая работа.

Михаил нарушил свое правило, поделился планами. Правда, грань не переступил. Обошелся общими словами. Я понял: это был у него порыв радости и вдохновения. Мою догадку подтвердили последующие события. Одно произошло месяца через два.

Утром прихожу на работу, а Сорокин уже поджидает меня. Берет под руку, отводит в уголок и шепчет:

— Придумай что-нибудь, скажи шефу, что пошел в сельхозуправление или в горком. В общем, нужно нам отлучиться...

— Куда? Зачем?

— Не задавай много вопросов. Все увидишь, — таинственно говорит Михаил Петрович.

Я пошел не к шефу, а к ответственному секретарю. Тот отмахнулся:

— Иди куда хочешь. Это твое дело.

Сорокин тащит меня от редакции за угол. Остановился, смотрит на меня, молчит. Я тоже молчу — ничего не могу понять. Но вот он говорит:

— Не на меня смотри, а вон туда! — и показывает рукой куда-то в сторону. Там, невдалеке от нас, стоит новенький, беленький автомобиль «Запорожец».

— Ну, вижу, машина, — говорю.

— А это видишь? — спрашивает он и достает из кармана ключи на колечке.

— Это что, твоя машина, выходит?

— Ну, конечно! — радостно, прямо по-детски восклицает он. — Пошли!

И тянет меня к машине.

— Нет. Ты мне сначала объясни, — протестую я. — Откуда машина? Ты что, купил ее?

— Нет! — смеется он. — Обменял на роман...

Забрались в «Запорожец», еще наполненный заводским запахом, и Михаил Петрович с несвойственной ему запальчивостью рассказывает:

— Решил вот мечту свою осуществить. Я же шофер, а машины нет. Скучаю по баранке, а тут гонорар за роман получил. Ну, вот и ухлопал его. Память будет.

— Что, гонорара хватило на машину?

— Немного добавил. Да разве в этом дело?! Главное, машина теперь есть!

В те годы это действительно был повод для радости. Михаил Петрович Сорокин был первым сотрудником редакции, заимевшим личное транспортное средство. Мы немало поездили на его машине по городу и за его пределами. Один раз даже побывали в ближайшем селе по редакционным делам.

Новой сиреновой весной 1979 года мой собрат по перу тискал меня в своих объятиях, сжимал так, что кости хрустели. От нахлынувшей на него радости: сбылась его заветная мечта — он стал членом Союза писателей СССР. Помню, зашел в редакцию Юрий Третьяков, тоже борисоглебец, детский писатель, ставший членом Союза чуть раньше. Высокий и шумный очкарик, всегда с улыбкой на лице, он с уважением относился к Сорокину, следил за его творчеством. Коллега искренне поздравил Михаила Петровича с этим важным событием.

Через год писатель перешел на профессиональное положение. Он нашел в себе силы расстаться с журналистикой и, покинув редакцию, с головой ушел в литературу. С этого момента мы стали реже встречаться, к нам он заходил лишь иногда. Писатель поддерживал связь с журналом «Подъём», рецензировал рукописи начинающих литераторов. А еще он работал над новым большим художественным произведением. Подробностей я, к сожалению, не знал...

Прошло больше трех десятков лет. У меня до сих пор щемит сердце, когда я слышу его фамилию. Как же несправедливо обошлась с ним судьба! Но я не верю в его смерть. Живы его книги, значит, жив и мой коллега.

